

А. С. Алёшин

ОТРАЖЕНИЕ ШВЕДСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В ЗЕРКАЛЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА

Понятие «менталитет» не имеет на настоящий момент однозначного определения и характеризуется расплывчатостью. Словом «менталитет» объясняют то, что в культуре и истории других народов кажется странным и непонятным. Для лингвистического исследования представляется целесообразным принять в качестве рабочего определение менталитета (ментальности), предложенное В. В. Колесовым: *«Ментальность есть миро-созерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»*¹.

Обратимся к шведской традиции исследования этнической идентичности, находящей свое выражение в менталитете.

В 1911 году Густав Сундберг выпустил одну из наиболее переиздаваемых книг — «Шведский народный характер»². Главной чертой шведского характера он считал любовь к природе. Эта главная положительная черта имеет свою противоположность: шведы не интересуются людьми, их психологией, они плохо разбираются в человеческих отношениях. Карл Лорин издал в 1915 году книгу «Народные характеры»³. В ней автор также пишет о чувстве природы, которую шведы ставят выше знания людей. Он усматривал в этом выражение индивидуализма шведов.

В 1990-х годах издаются работы Оке Дауна о шведском менталитете и идентичности. Понятие этнической идентичности, непосредственно связанное со «шведскостью», наиболее полно представлено в книге О. Дауна

«Шведский менталитет». Культура формируется в человеческих взаимоотношениях, существует в определенном социуме, и «шведское содержание» этих отношений О. Даун выявляет в следующих личностных характеристиках: застенчивость, независимость, уход от конфликтов, честность, коллективизм и вместе с тем индивидуализм, непритязательность⁴.

М. Теландер пишет о том, что возможны два метода исследования национального характера и менталитета. Можно исходить из «характера» и искать его отражение в языке. Второй способ, который можно выбрать, — это идти от языка и пытаться найти культурные объяснения особенностям шведского языка⁵. Второй из указанных автором способов представляется нам предпочтительнее в силу того, что он не предполагает притягивание языкового материала к заранее составленному перечню черт национального менталитета, а может дать новое объективное знание.

Менталитет народа, таким образом, находит отражение в языковой картине мира. В устойчивых сравнениях (далее — УС) национального языка, как и в других языковых единицах, фиксируется мировидение народа. При этом фразеологическая картина мира отличается большей консервативностью, что позволяет передавать культурную информацию от поколения к поколению и обеспечивает преемственность и стабильность национальных представлений, стереотипов, эталонов, вербализованных в УС.

В своем исследовании мы рассматриваем устойчивое сравнение как устойчивое сочетание, представляющее собой образное средство языка, которое «обычно является результатом многовекового употребления»⁶, один из способов оценки и осмысления окружающей нас действительности, основанный «на сопоставлении двух предметов или явлений для более точного, образного описания одного из них»⁷.

Объектом исследования явились УС шведского языка, характеризующие человека, на фоне их русских соответствий, а предметом — объекты, эталоны и основания сравнения, образность выражений в двух лингвокультурах, позволяющие выявить национально-культурные особенности шведских УС на фоне их аналогов в русском языке.

В результате сплошной выборки материала из фразеологических словарей шведского языка нами было выделено 410 УС, характеризующих человека, которые были распределены по идеографическим полям (далее — ИП), идеографическим разрядам (ИР) и идеографическим группам (ИГ). Было выделено 14 ИП. Идеографическая классификация объектов сравнения в шведском языке на фоне русского языка показала, что, несмотря на отдельные лакуны, основные тематические группы УС шведского

языка совпадают с тематическими группами УС русского языка, то есть совпадают те фрагменты языковой картины мира, которые характеризуются с помощью УС. Вместе с тем впервые представленная классификация УС шведского языка убедительно свидетельствует о том, что прямой связи между выделяемым этнологами и культурологами набором черт шведского менталитета и языком установлено быть не может.

Не представлены в шведском языке такие идеографические поля, как «Образ жизни, жизненные условия, обстоятельства» (в русском: *жить как белый человек, крутиться как бобик, жить как на вулкане, жить как в хлеву*) и «Мысли, чувства, представления» (в русском: *поразить как гром/громом, оглушить как обухом <по голове>, подействовать на кого-либо как холодный душ, преследовать кого-либо как кошмар/кошмарный сон; озарить, блеснуть как молния* (о внезапной мысли)). Разумеется, данные идеографические разряды представлены в шведской ментальности, в картине мира народа, так как эти идеи являются универсальными для всех людей, но это не вербализовано при помощи УС, так как не все черты менталитета находят отражение в языке. По этой же причине среди шведских УС отсутствуют единицы с основаниями сравнения *одинокий, завистливый, меланхоличный* (черты национального характера, которые отмечают у себя сами шведы).

Детальному лингвокультурологическому анализу подверглись 248 УС шведского языка, входящих в наиболее объемные ИП «Внешность», «Поведение» и «Эмоциональные состояния».

Особенно часто выделяемая в научной литературе черта шведского менталитета — любовь к природе — казалось бы, находит отражение в использовании в качестве эталонов УС наименований животных, растений, природных реалий. Но эти же тематические группы выделяются и в других языках, являются универсальными в силу того, что это наиболее древние УС, возникавшие в то время, когда человек пытался идентифицировать себя на фоне окружающего мира. На наш взгляд, национально специфичным в данном случае является не сам факт использования эталонов тематических групп, описывающих природу, а более детальное «прорисовывание» тех или иных фрагментов картины мира языковыми средствами. Так, шведы очень наблюдательны в отношении домашних животных. Среди эталонов-зоонимов УС шведского языка присутствуют наименования разных пород собак: *овчарка, пудель, терьер*. Каждая из этих пород наделяется своим качеством, например терьер — упрямством, яростью; пудель — умом.

Выбранный в исследовании путь от языка к культуре оказался продуктивным. Так, были определены участки большей и меньшей номинативной плотности в шведском языке на фоне русского, что говорит о значимости этих фрагментов картины мира для носителей шведского языка. Например, для шведов в целом более важна общая оценка внешности человека, а УС с общей пейоративной оценкой внешности человека в шведском языке в три раза больше, чем в русском. Было выявлено также «значимое отсутствие» определенных фрагментов для шведского менталитета и языковой картины мира шведского языка. Например, характеристика с помощью УС растительности на лице, особенно бороды, в меру упитанного человека, стройного человека, униженного и легкомысленного поведения, прибытия кого-либо точно в срок (что зафиксировано русскими УС). Если в русском языке специально маркируется поведение, достойное мужчины (*как настоящий мужчина*), недостойное мужчины (*как баба*) и взрослого человека (*как мальчишка*), то в шведском языке это не является значимым.

Национальная специфика проявляется также в различной расстановке акцентов внутри одних и тех же объединений УС шведского и русского языков. Так, при описании волос на голове шведские УС фиксируют только их жесткость, а русские УС отмечают еще несколько параметров: способность виться, мягкость, спутанность и др. С точки зрения цвета шведские УС отмечают только бледность или красноту лица. Характеристика рук человека шведскими УС предполагает прежде всего описание таких признаков, как сила и быстрота. В осанке человека УС шведского языка акцентируют внимание только на ее прямизне. Шведские УС отдельно не характеризуют стройность фигуры человека, а также в меру упитанного человека, как русские. Важным для шведского языкового сознания оказывается только соответствие «норме» объема тела, поэтому номинируется только отклонение от нее — чрезмерная полнота или худоба. В шведском языке шире, чем в русском, представлены УС, характеризующие в целом недостойное, глупое и агрессивное поведение. УС, описывающие назойливое, заносчивое и трусливое поведение, не отличаются номинативной плотностью в шведском языке, в отличие от русского. Невоспитанное поведение в шведских УС представлено более обобщенно, в отличие от русских, выделяется только грубость и поспешность.

Безэквивалентными относительно русского языка являются такие ИГ шведских УС ИП «Эмоциональные состояния», как «чувствовать себя пре-красно», «испытывать чувство стыда», «уйти в себя», «чувствовать себя испуганным», «находиться в подавленном эмоциональном состоянии», «чув-

ствовать себя не таким как все, ненужным», «чувствовать себя в глупом положении», «изменение эмоционального состояния», «чувствовать себя в растерянности», «внешнее проявление растерянности», «проявление возбужденного эмоционального состояния». Данный факт позволяет опровергнуть мнение этнокультурологов о том, что для шведского менталитета не характерен интерес к человеку и его психологии.

Национально-культурная специфика шведских устойчивых сравнений обнаруживается как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения — в наличии в их составе особых культурных маркеров (безэквивалентных слов-реалий, топонимов, мифологем и т. д., например, *ngn skiner som solen i Karlstad* (кто-либо светится как солнце в Карлстаде), *ngn är ful som ett troll* (страшный как тролль)), требующих этимологического или историко-культурного комментария при их переводе. В плане содержания — в денотативной соотнесенности образа-эталона сравнения и сопутствующих ему коннотациях, которые и отражают «национальный колорит» сравнения (например, *ngn är pigg som en mört* (кто-либо бодрый как плотва), *ngn är ilsken som en dogg* (кто-либо злой как дог)).

Выбор эталона сравнения в то же время зависит от обиходно-культурного опыта членов определенного языкового коллектива, поэтому стереотипные представления о носителях того или иного качества в разных языках чаще всего не совпадают (например, шведское УС *ngn arbetar/ligger i som en iller* (кто-либо работает как хорек) и русские *злой как хорек*, *зубы острые как у хорька*, *воющий как хорек*).

Лингвокультурологическая значимость эталонов УС шведского языка на фоне русского наглядно может быть представлена на примере УС, характеризующих внешность человека.

Обращает на себя внимание «значимое» для характеристики шведского менталитета отсутствие в шведском языке таких эталонов УС ИП «Эмоциональные состояния», в большом количестве представленных в русском, как обозначение болезненного состояния: *бред*, *горячка*, *хмель*, *угар*; обозначение лица, находящегося в аномальном состоянии: *пьяный* (*хмельной*), *очумелый*, *ошалелый*, *помешанный* и др.

При наличии общих эталонов УС в двух языках наблюдается разница в аксиологической оценке: так, УС с эталоном *фурия* положительно оценочно в шведском языке — *ngn kämpar som en furie* (кто-либо сражается как фурия) и отрицательно в русском — *бросаться/броситься* (*наброситься*, *накидываться/накинуться*) на кого как [*разъяренная*] *фурия*.

Эталоны УС, характеризующих внешность человека

Сходства и различия эталонов УС	Шведский язык	Русский язык
1. Полностью совпадающие эталоны	1. При описании фигуры человека: <i>ett klot, en tunna, ett skelett, en stång, en giraff, en sticka</i> . 2. При описании белого цвета лица: <i>ett lik, döden</i> . 3. При описании красного цвета лица: <i>en ros, en kräfta, en pion</i> . 4. При описании походки: <i>en anka, en drucken</i> .	1. При описании фигуры человека: <i>шар, бочка, скелет, шест, жираф, щепка</i> . 2. При описании белого цвета лица: <i>мертвец, смерть</i> . 3. При описании красного цвета лица: <i>роза, рак, пион</i> . 4. При описании походки: <i>утка, пьяный</i>
2. Лакунарные	Группа эталонов-наименований геометрических понятий (относительно русского языка): <i>en prick</i> (точка), <i>ett klot</i> (шар), <i>ett streck</i> (полоска)	Группа эталонов-наименований тканей и нитей (относительно шведского языка): <i>шелк, лен, войлок, пакля, пух</i> .
3. Родовидовые отношения эталонов	Гипероним — <i>fet som ett svin</i> (толстый как свинья)	Гипонимы: <i>толстый как кабан, как боров, как поросенок</i>
4. Различаются некоторые эталоны, служащие основанием сравнения по одному и тому же признаку	Эталон голубого цвета глаз — <i>en fiol</i> (фиалка). Глубина глаз — <i>en brun</i> (колодец)	Эталон голубого цвета глаз — <i>васильки</i> . Глубина глаз — <i>озеро</i>
5. Различаются основания сравнения при наличии одного и того же эталона	<i>Ögon som en ko</i> (глаза как у коровы) для шведов — только ‘большие глаза’. <i>Som pärlor</i> (как жемчужины) характеризует маленькие глаза	<i>Глаза как у коровы</i> — ‘ничего не выражающие’. <i>Глаза как жемчужины</i> — о сияющих красивых глазах

6. Один и тот же эталон может использоваться для УС с разными основаниями сравнения	<i>Ett svin</i> (свинья) — эталон сравнения полноты фигуры и грязного внешнего вида, <i>кочерга</i> — эталон сравнения прямой осанки и походки человека	<i>Журавль</i> — эталон для сравнения высокого роста человека, длинных ног и походки
7. Национально-специфичные эталоны	<i>Ladugårdsdörr</i> (дверь на скотный двор), <i>ett dasslock</i> (крышка в деревенском туалете); мифологемы: <i>ett troll</i> (тролль), <i>en bortbyting</i> (сын тролля), <i>en tomt</i> (гном); артефакты: <i>en Moraklocka</i> (часы из Муры) (<i>rak som en Moraklocka</i> — прямой как часы из Муры)	Устаревшие меры длины: <i>аршин, коломенская верста</i> ; хозяйственно-бытовые реалии: <i>самовар</i> ; мифологемы: <i>Баба-яга, Кощей, леший, русалка</i> ; названия лиц духовного звания: <i>дьякон, поп, монах</i>

Дальнейшее выявление особенностей семантики, функционирования, культурной маркированности и мотивированности шведских УС на фоне их соответствий в русском языке, на наш взгляд, позволит более полно судить о некоторых чертах шведского мировосприятия, нашедших отражение в этих языковых единицах.

¹ Колесов В. В. Жизнь происходит от слова... СПб., 1999. С. 81.

² Sundbärg G. Det svenska folklynnnet. Stockholm, 1915.

³ Laurin C. G. Folklynnnet. Stockholm, 1915.

⁴ Daun Å. Svensk mentalitet. Stockholm, 1998.

⁵ Thelander M. Svenska språket mitt i världen // Svenskt kynne. En konferens anordnat av Humanistisk-samhällsvetenskapliga vetenskapsområdet vid Uppsala universitet den 29 februari 2000. Uppsala, 2000. S. 51–67.

⁶ Лебедева Л. А. Введение // Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. Краснодар, 2003. С. 4–5.

⁷ Русова Н. Ю. От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М., 2004. С. 229.